

Парамонов Андрей Альбертович — кандидат философских наук, научный сотрудник, руководитель сектора аналитической антропологии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Электронная почта: andrei-paramonov@yandex.ru

Валерий Подорога: антропология взгляда

Специальный номер журнала «Человек» посвящен творческому наследию выдающегося российского философа Валерия Александровича Подороги (1946–2020). Перу Валерия Александровича принадлежит более двадцати монографий, в которых представлен в развитии его новаторский подход к анализу современной философской мысли, политической философии, литературы, кино. Среди них — двухтомная работа «Второй экран. С.М. Эйзенштейн и кинематограф насилия», удостоенная в 2015 году премии В.Кандинского, и многотомное фундаментальное исследование «Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы», включающие отдельную книгу теоретических комментариев автора к применяемому им методу анализа — «Антропограммы. Опыт самокритики» (2017).

В каждой новой книге В.А. Подорога демонстрирует новые возможности своего экспериментального подхода к философствованию. Двигаясь через конкретный литературный или философский текст, он стремится выйти на некоторый изначальный опыт письма, который он определяет как внутривымышленческий мимесис, противопоставляя его традиции, идущей от Аристотеля.

Постепенно развиваемый подход к исследованию различных дискурсов и художественных практик Валерий Александрович обозначит в конце 1990-х годов словами «аналитическая антропология». Одно из наиболее проработанных и последовательных разъяснений этой исследовательской программы дано в «Антропограммах». Выделяя поворотные пункты формирования своей теории, он обращает внимание на фигуру «исключенного наблюдателя» — своего рода антрополога текста, пришельца

из «другого (собственного) времени», функция которого состоит во владении искусством наблюдения-прочтения-описания, свободного от какого-либо поиска миметической достоверности, что позволяет увидеть внутреннее динамическое содержание текста, отсылающее непосредственно к допонятийному опыту первичных качеств (колеблющихся в диапазоне избытка–недостатка), к «общечеловеческому архиву подобий». Уникальную, подвижную структуру, которая контролирует и удерживает эту характерную только для нее ритмику первичных качеств, В.А. Подорога назовет «произведенческой формой». Временную динамику текста в пространстве первичных качеств, сотканную из противоречий, конфликтов, срывов, «катастроф», он исследует, опираясь на «формы мысли»: метафоры, символы, концепты, тавтологии, которые берет в качестве «инструментов», а не риторических приемов, что открывает возможность «анализировать литературный опыт с чисто метафизических позиций».

Это ритмическое целое — «Произведение», неповторимое в своем внутреннем многомерном топологическом рисунке (проекция которого в пространстве представимости может быть передана «антропограммой»), являющееся, собственно, выражением творческой энергии автора в ее имманентности миру, при жизни автора всегда остается незавершенным. Задачу аналитического антрополога Подорога видит в том, чтобы воссоздать «Произведение» в его целостности и тем самым завершить. Так в его работах появляются «Произведение-Гоголь», «Произведение-Достоевский», «Произведение-Эйзенштейн» и др.

На предложение журнала выпустить тематический номер, посвященный В.А. Подороге, откликнулись его близкие, друзья, ученики и коллеги. И можно сказать, что каждая из представленных здесь статей несет опыт личного, живого общения с Валерием Александровичем.

Тематический номер открывается статьей Елены Петровской, в которой автор делает попытку зафиксировать проблемное поле, энергичные импульсы которого направляли исследовательский подход В.А. Подороги. Автор выделяет две характерных «линии» в его мышлении, связывая их с именами Мераба Мамардашвили и Сергея Эйзенштейна. Разнонаправленность этих линий — с одной стороны, «героика отдельной личности, противостоящей среде», «индивидуализм»; с другой — «беспокойное вторжение технологичной современности» с ее «вызывающим отсутствием формы» — создает, по мнению автора, то «продуктивное напряжение» философской мысли В.А. Подороги, которое связано с ее «произведенческим» усилием.

Статья Сюзан Бак-Морс построена на сопоставлении исследовательских подходов Подороги и автора на фоне воспоминаний о годах дружбы, начиная со случайного знакомства в Москве в далеком 1987 году. Неявной, но сквозной и связующей темой звучит вопрос о социальной значимости индивидуального философского опыта. Мастер работы с визуальными образами, Бак-Морс обращается к этому приему и здесь. Знакомые с ее творчеством легко узнают характерный авторский стиль, а также заметят визуальные образы, известные по давней работе автора — «Эстетика и анестетика» (1992). Их появление в статье о Подороге не случайно. Все, что касалось «Эстетики...» — «от ее политики до образов», как замечает Бак-Морс в своей книге «Мир грез и катастрофа» (2000), было откликом на дискуссии тех лет с Подорогой и его коллегами.

Олег Аронсон сопоставляет технику работы В.А. Подороги с литературными текстами с его подходами к анализу технологий власти и показывает, что в предлагаемой Подорогой оптике власть предстает уже не в качестве политической формы, но как «форма жизни. Она же — форма мысли. Она же — письмо».

Борис Подорога обращает нас к начальным этапам формирования аналитической антропологии — к «метафизике ландшафта». Автор последовательно раскрывает «топологическо-коммуникативную функцию» понятия ландшафта в философии В.А. Подороги.

Андрей Гасилин ставит вопрос о возможностях формализации исследовательского подхода Подороги. В качестве первого шага он предлагает попытаться выделить в его текстах характерные слова, термины, «словечки», все то, что может быть названо «авторским архивом». «Мгновение» оказывается одним из таких слов. Рассматривая понятие мгновения в качестве возможного характерного исследовательского приема в антропологии литературы Подороги, автор показывает операциональную нагруженность этого понятия, посредством которого связываются темпоральная и оптическая линии анализа.

Нина Сосна, разбирая роль технического в антропологии В.А. Подороги, обращает внимание на «внешнюю» по отношению к технике позицию аналитической антропологии в ее стремлении удержать «резерв человеческого» в посткатастрофических условиях. Автор рассматривает возможность другого подхода к техническому, в котором техника предстает как определенная форма «инога», способная противостоять катастрофической фрагментации и интервализации мира, посредством генерации новых форм процессов и связей, в том числе межчеловеческих.

Джонатан Флэтли выбрал в качестве названия статьи метафору «неведомая парабола», которой в свое время Подорога, разбирая

«Чевенгур» Платонова, помечал порождаемую этим текстом ситуацию особой вовлеченности читающего. Размышляя о своем опыте чтения, Флэтли выстраивает текст как своего рода «параболу», обращая нас к тому, что он называет «миметической открытостью Валерия Подороги».

Обращаясь к пространству комического и смехового в творчестве В.А. Подороги, Ирина Жеребкина обнаруживает две стратегии в отношении комического и смеха, выбор между которыми коррелирует с тем, понимается ли пол в качестве символа возвышенного или как социальный конструкт, гендер. Эта корреляция становится у автора инструментом анализа философии телесности «позднего Подороги».

Отправной точкой статьи Александра Доброхотова послужил тезис В.А. Подороги об отсутствии «нового» в философствовании М.К. Мамардашвили, прозвучавший в книге «Топология страсти...» (2020). «Новое», согласно этому тезису, замещается у Мамардашвили творческой энергией «Голоса». Не отрицая значимости попытки расшифровать феномен Мамардашвили, автор приводит аргументы, показывающие, что предпринятый в связи с этим в книге шаг, которым передается «ряд функций от Логоса к Голосу», приводит к «некоторому перевесу “корпоральности”» в понимании метода Мамардашвили.

Возможность применения разработанных в проекте «Мимесис» идей и аналитических процедур за рамками проектного корпуса текстов обсуждается Юлией Подорогой. На материале ранних произведений Бориса Пастернака она намечает подходы к пониманию того, в чем состоит «чувственный опыт» поэта, определяющий его поэтику, исследует возможности рассмотрения у него метафоры как «формы мысли».

На материале двух традиций рукописной книги: иранской и византийской Шариф Шукуров анализирует проблему взаимоотношения визуального и текстуального, иллюстрации и текста, которая не раз была предметом его обсуждений с В.А. Подорогой.

В завершение мне хотелось бы вернуться к статье Сюзан Бак-Морс, к главе «Дружба/солидарность», к ее вопросу, обращенному к Валерию Александровичу в последней беседе с ним: «Кем мы были друг для друга?» «Мы были друзьями», — прозвучал ответ. «Без сомнения, дружба — это в жизни все, — замечает автор. — Но этого еще недостаточно».

Нам остается солидарность. И это то, что объединяет авторов этого номера. Солидарность с живой, многоплановой, критической и провокативной философской мыслью Валерия Александровича Подороги.